

КНИГА ЭРСТЕДОВ

ЕЛЕНА УЛМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Улли
Книга Эрстедов

«Автор»

2023

Улли Е.

Книга Эрстедов / Е. Улли — «Автор», 2023

Демиен Эрстед — колдун, рожденный в Средневековой Англии вопреки всем правилам, установленным ведьминскими ковенами. Самоучка, которому всю жизнь приходилось выживать в непростых условиях, а также скрывать свою магию, теперь сам стал охотиться на ведьм. Однако, вскоре давно потерянные сестры вновь находят его по воле случая, и так заново начинается история древнего магического семейства Эрстедов. Демиену только предстоит узнать о своей уникальной силе и столкнуться с теми, кто хочет подчинить ее себе.

© Улли Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Улли

Книга Эрстедов

Глава 1

Глубокая беззвездная ночь. Даже Луна не соизволила выглянуть из-за тяжелых грозových облаков.

- Будет гроза.
- Плохой знак.
- Проклятое дитя.

Три разных женских голоса по очереди озвучили свои мысли. Правда, вряд ли кто-то из присутствующих в тесном лесном домишке мог различить их слова за стонами и криками роженицы. Повитуха, вытирая руки о белый фартук, выглядела измученной, но продолжала раздавать указания еще совсем маленьким девочкам:

– Принеси еще воды, Нэн. А ты, Сеня, возьми вон с той полки побольше чистых полотенец. побыстрее! Вы же не хотите, чтобы ваша сестра убила мать, будучи еще в утробе?

Пока Нэн и Сеня разбежались по сторонам, выполняя указания повитухи, самая младшая девочка сидела поодаль и наблюдала за тремя скрюченными фигурами, сидящими в ряд у открытого нараспашку окна. С улицы задувал ветер, где-то вдалеке уже слышались яростные раскаты грома, а в воздухе звучал аромат озона и дождя.

Одна из фигур почувствовала на себе взгляд юной девочки и тут же резко повернулась к ней, пронзая дитя взглядом. Даже несмотря на то, что лицо провидицы было почти полностью скрыто капюшоном, девочка могла заметить, как та улыбалась. И улыбка эта была неестественно широкой, как будто кто-то порезал ее рот от уха до уха. Извращенное подобие радости запечатлелось на лице некогда молодой женщины, обезобразив его навсегда. Однако девочка продолжала рассматривать ее с интересом.

– А ты чего сидишь, Элиза? Ну-ка, быстренько, поменяй маме компресс!

Элиза перевела взгляд на повитуху, кивнула, затем вновь взглянула на странную женщину в капюшоне. Та уже отвернулась обратно к окну и, казалось, погрузилась в подобие транса. Все три провидицы наблюдали раскаты грома вдалеке и что-то бормотали. Их голоса были настолько похожи, что сливались в единый шум. Слов было не разобрать.

Девочка быстро вскочила с места, сняла компресс со лба матушки и двинулась в сторону корыта с чистой ледяной водой. Промокнув полотенце и выжав его, насколько ей хватило сил, младшая дочь вернулась к постели матери и аккуратно сложила компресс на лоб роженицы. Внезапно мать схватила ее за руку. Все, кроме трёх провидиц, суетились вокруг кровати. Лицо матери, казалось, горело огнем, с губ стекала кровь, так сильно она их искусала, пока тужилась. При этом ее рука была ледяной.

– Ай, мама, перестань, мне больно! – Пискнула Элиза, попытавшись вырвать руку, но хватка матери была сильнее.

– Слушай меня, Элиза, – прошептала она ей, словно в бреду. – В моей сумке лежит кинжал. Возьми его. Если из меня выйдет демон, то заколи его. Заколи прямо в сердце, не медли.

– А? – девочка ошарашенно уставилась на мать, не понимая смысла сказанных ею слов. Ей ведь всего пять лет. Какой кинжал, какой демон? Ведь ее мама рождает ей младшую сестричку. – Что ты такое говоришь, мама...

Из глаз матери тут же хлынула новая порция слёз. То ли от резкой боли, то ли от какого-то горького осознания.

– Если не сможешь, отдай кинжал тётке Мэрл. Отдашь ведь, да, доченька?

Элиза кивнула. Кивнула, чтобы ее оставили в покое и перестали до боли сжимать ее руку. Конечно же, никому и ничего она передавать не собиралась. А уж доставать какой-то кинжал и подавно. Но матери ее кивок показался убедительным, так что она сразу же отпустила руку младшей дочери и вновь протяжно застонала, когда живот свела очередная мучительная схватка.

Тётка Мэрл, будучи повитухой, знала, что делать. Она привела в этот мир не одного ребенка. Но сегодня что-то шло совсем не так. Роды проходили тяжело, схватки были все сильнее и сильнее, а тело роженицы так и не планировало отдавать ребенка из своей утробы. Мэрл уже начинала подозревать, что, скорее всего, этому ребенку просто не суждено родиться и увидеть мир.

– Будь ты неладна, капризная девчонка! – прошипела Мэрл в сердцах, обращаясь к младенцу, который еще даже не родился. – Пора наружу, хватит мучать свою бедную мать!

Раскаты грома звучали всё ближе и ближе, а потом совсем рядом с ними что-то сильно взвыло, кажется, ветер, и наступила резкая тишина. В этой тишине болезненно кричала роженица, а затем все на секунду затихло, и повитуха смогла разобрать слова провидиц:

– Оно погубит нас всех.

– Да, я вижу гибель.

– Смерть пришла.

Глаза повитухи расширились от страха, но руки продолжали делать свое дело. Она знала, у кого принимала роды. Это была далеко не первая и не последняя ведьма в ее послужном списке. Все девочки, сидящие у изголовья матери, пришли в этот мир благодаря ей – Мэрл. И ни одна из них не была исчадием Ада. А Мэрл не ошибалась, никогда еще не ошибалась. Эта девочка должна была родиться, раскрыть свои глаза цвета морской пучины и громко закричать. Должна была.

– Уж не знаю, что у тебя на уме, Катарина. Но будь добра, помоги мне. Пока ты сама не захочешь родить, этого не случится.

– Я не хочу... Мэрл. Я не хочу. Лучше умереть... – Катарина яростно замотала головой из стороны в сторону, и ее лицо вновь исказилось болью. Голос звучал измученно, ее воля к жизни постепенно угасала.

Тогда Мэрл занесла руку и со всей силы отвесила роженице звонкую пощечину. Компресс слетел со лба женщины, та в изумлении распахнула зеленые глаза и умолкла. Ее дочери так и замерли, глядя на повитуху и не веря своим глазам.

– Тоже мне... Великая мученица. – Пропыхтела Мэрл. Ее глаза сверкали: страх сменился гневом. – У меня на руках не умирал еще ни один ребенок. И если уж ты пришла рожать ко мне, то изволь слушать, что тебе говорят и выполнять. Когда я скажу тужиться – тужься. Когда скажу дышать – дыши. Этот ребенок не умрет, ясно тебе, Катарина?

Голос у Мэрл был твердый и звонкий. Так уж распорядилась судьба, что сама Мэрл не могла иметь детей. Ее чрево было бесплодным и сухим. Взамен она получила дар принимать роды и приводить в этот свет чужих детей. И если эта глупая ведьма возомнила себя самим Богом, то пусть утрётся. Ее ребенок хотел появиться на свет, да только сама мать упорно противилась его появлению.

Катарина поджала губы и прикрыла глаза на мгновение.

– Ладно... Я сделаю, как ты говоришь, Мэрл.

– Вот и славно, – промурлыкала повитуха и устроилась между ног роженицы поудобнее. – Держись, Кэт. Сейчас будет невыносимо больно. Нэн, подай матери вон ту деревянную ложку.

Старшая дочь тут же вложила в рот Катарины ложку, которую женщина сразу же сжала зубами с невероятной силой. Ноздри Катарины раздувались, словно у коня во время крутого галопа, а глаза налились кровью. От напряжения на лбу вздулась вена. Элиза, которая следила за матерью все это время, сейчас нервно сжимала в руках еще влажный компресс.

За окном прогремел гром, совсем близко и пронзительно. В этот же момент Мэрл крикнула:

– Тужься!

Затем последовал сдавленный, но все такой же громкий и наполненный болью крик Кэт. Она тужилась изо всей силы, лишь бы побыстрее избавиться от бремени.

– Терпи... Дыши... Давай, сейчас! Толкай, Кэт!

Снова крик, вперемешку с тихим плачем. Мать так сильно сжимала кулаки, что ногти впились в кожу до крови, и Элиза с ужасом наблюдала за ней. Рядом с ней опустилась средняя сестра, приобняв младшую за плечи и шепнув, что все будет в порядке. Но Элиза и не волновалась за маму или младенца, ей скорее было попросту страшно от самого зрелища.

Провидиц по всей видимости вовсе не заботило то, что происходило у них за спинами. Они что-то монотонно напевали под близкие раскаты грома, держась за руки.

– Почти, Кэт, почти! Еще немного... Тужься!

Последний крик матери сопровождался очередным громовым оглушительным треском, а затем хлынул ливень, яростно барабанивший по деревянной крыше небольшого и тесного лесного домика.

Лицо Катарины расслабилось, ложка выпала изо рта на грудь, она тяжело дышала, наблюдая за тем, как повитуха берет на руки перепачканный комочек с маленькими ручками и ножками.

Мэрл с секунду удивленно смотрела на ребенка, затем осторожно помассировала его по груди. Младенец не заставил себя ждать и истошно завопил во всю глотку, будто только сейчас понял, что его выдрали из материнской утробы.

– Мам, ты в порядке? – спросила старшая дочь, аккуратно приближаясь к постели. Но мать не слышала своих дочерей, ее взгляд был полностью сконцентрирован на младенце в руках повитухи. Обе женщины выглядели уставшими и отчего-то шокированными.

Вместо слов, Мэрл показала ведьме ее новорожденного ребенка. Красивые щечки, налитые здоровым румянцем, мягкое пузико, ножки и ручки, темные волосы на голове... Ни рогов, ни копыт. Правда, было кое-что, что заставило Кэт разочарованно и с ужасом вздохнуть.

– Это мальчик, Катарина. У тебя родился сын. – Мэрл говорила так, будто все происходило во сне. Ведьма же глядела на младенца и молчала. – Возьми его. Он ищет свою мать.

Тётка Мэрл положила ребенка на грудь к Кэт, та инстинктивно подставила ладонь ему под головку. Мальчик продолжал кричать, захлебываясь в собственном крике. Казалось, что близость матери никак не сказалась на его самочувствии. Позади них вновь раздались заунывные голоса провидиц и раскаты грома. Все женщины в доме, кроме троих ведьм в черных балахонах, столпились вокруг кровати матери с ее новорожденным ребенком.

– Что теперь, Кэт? Ты же не посмеешь сделать то, о чем я думаю? – тихо и с предупреждением спросила ведьму повитуха. Катарина все еще глядела на своего сына, переводя дух, но в глазах ее не было ни счастья, ни радости, ни любви. Лишь пустота и разочарование.

– Лучше бы ты дала мне умереть, Мэрл. – наконец прохрипела она сорванным от криков голосом. Младенец прижался губами к шее матери и, наконец, успокоился, закрыв глаза, не желавшие видеть свет.

Глава 2

Женщины уехали из дома повитухи сразу же, как стих ливень и гром. Им нельзя было задерживаться тут до утра. Провидицы покинули это место еще раньше. Естественно, благословения новорожденный не получил.

Пока угрюмый извозчик вёз их в деревню, Катарина старалась не смотреть на сына, который всю дорогу тихонько спал у нее на руках. Однако дочери, все, кроме старшей Нэн, не разделяли эмоций матери и были страшно рады тому, что у них появился братик. Сёстры – это, конечно хорошо, но разве может сестра защитить от вредных соседских мальчишек? Они хоть и были ведьмами, но колдовать на людях было строго запрещено, да и они были еще не обучены всем премудростям магии.

В мире было беспокойно, и любая ересь преследовалась церковью. Многие близлежащие города были «очищены» от скверны и последовательниц Дьявола, и ведьмы не сомневались, что вскоре церковники доберутся и до деревень. Всех, кто хоть как-то был замешан в колдовских ритуалах или был похож на ведьму – отправляли на костёр и сжигали заживо. Инквизиция не церемонилась и не разбиралась.

Девочки помладше об этом не задумывались. Их жизнь была беззаботной, пока кованы не начинали проявлять к ним интерес. А вот Нэн и сама Катарина очень даже понимали, чем чревато для их семьи рождение мальчика. Провидицы присутствовали на каждом родах ведьм своего ковена, поэтому теперь уже наверняка все верховные ведьмы в курсе того, что в семье Эрстед родился наследник мужского пола.

Пока они тряслись в телеге, Нэн, наконец, подала голос первой.

– Мама, что же нас теперь ждет?

Катарина перевела пустой взгляд на старшую дочь и задумчиво ответила:

– Ничего хорошего.

– Но ведь мы можем избавиться от него, – прошептала Нэн, лихорадочно бегая взглядом по лицу матери.

– Ты с ума сошла, Нэн?! – выпалила Сеня в сердцах, ударив старшую сестру по плечу кулаком. Мать прижала палец к губам, показывая девочкам, что пока они едут домой, им нужно говорить как можно тише. Нэн будто не заметила удара сестры, продолжая с неприкрытой тревогой глядеть на младенца, завернутого в материнскую шаль.

– У нас все еще есть шанс. Не мы, так они это сделают...

Катарина лишь бессильно вздохнула.

– Я обещала Мэрл, что не стану этого делать. Я поклялась. А ты знаешь, что бывает, когда кто-то из нас даёт такую клятву, дорогая.

Нэн сжала кулаки и беззвучно заплакала, отвернувшись от матери и сестёр. Самая младшая Элиза прижалась к плечу мамы, пытаясь заглянуть под шаль и разглядеть братика поближе. Сеня же с тревогой переводила взгляд с матери на Нэн и обратно, но весь путь старалась молчать. Так они и доехали до дома.

Извозчик помог матери с девочками спуститься с телеги, чуть поднял плетеную шляпу, скрывающую его от утреннего солнца, вытер пот со лба и уехал восвояси, не сказав ни слова. Женщины же в гробовой тишине зашли в свой дом, стоящий на окраине деревни. Пока Катарина укладывала младенца в люльку, старшие девочки решили заняться готовкой, а младшая Элиза во все глаза разглядывала спящего брата.

– А как ты назовешь братика, мама? – в глазах девочки читалось неподдельное любопытство. На это Катарина только пожала плечами.

– Пока я об этом не думала... И, Элиза, доченька, не привязывайся к нему сильно.

– Почему? – девочка продолжала удивленно хлопать ресницами. Тогда женщина присела на кровать рядом с люлькой, взяла дочь на колени и крепко обняла ее, зарывшись в огненно-рыжие волосы бледным лицом.

– Ты еще такая юная, девочка моя. Тебе еще многое предстоит узнать. Когда ты станешь старше я отведу тебя туда, где ответят на все твои вопросы. А пока не забивай себе голову ерундой.

Элизу такой ответ явно не устроил, поэтому она обиженно поджала губы и слезла с колен матери. Нэн тут же обратила внимание на младшую сестру:

– Элиза, идем со мной. Поможешь принести дров. А ты, Сеня, сходи за водой.

Девочки послушно отправились выполнять поручения старшей сестры, оставив мать наедине с младенцем.

Кэт смотрела на мальчика, который изредка морщился во сне, и сжимала кулаки. Желание задушить ребенка подушкой было так велико... но если бы она это сделала, то обрекла бы своих дочерей и себя саму на верную смерть. В голове то и дело звучали слова повитухи Мэрл: «Поклянись мне, ведьма, что ни один волос не упадет с его головы... Поклянись, иначе ваш род выкосит чума, и ты будешь тому виной. Поклянись.» Катарина не могла не поклясться. Проклятие повитухи могло сбыться, пусть та и не была ведьмой. Она была женщиной, приближенной к высшим силам, а значит могла навлечь на ее род беду, не поступи Кэт так, как Мэрл хотела.

В бессилии женщина спрятала лицо в ладонях и тихо заплакала.

– Почему именно моя семья... Почему именно в моей семье ты родился, демон? За что мне такое горе... за что?

Шли дни, недели, месяцы. Ведьмы рода Эрстед все еще спокойно жили на отшибе деревни в своем скромном доме. Жизнь шла своим чередом, новорожденный окреп и с каждым днем становился все более жадным до материнского молока. Иной раз Катарине в голову закрадывались мысли о том, не перестать ли кормить мальчишку. Возможно, он бы умер с голоду и тогда проблем бы не было... Но вновь и вновь ей пришлось вспоминать о клятве, которую она дала повитухе, и о том, какая кара ее может ждать, не поступи она как должно.

Сении скоро должно было исполниться одиннадцать лет, а значит им всем пришлось бы отправиться в город, чтобы увидеться с главой ковена. Правда, ведьме все еще казалось странным то затишье, в котором они пребывали сейчас. По всем правилам их должны были навестить уже на следующий день после рождения мальчика, изъять его и предать плоть огню в лучшем случае. У Кэт не было желания сопротивляться, она бы добровольно отдала сына ведьмам ковена, и пусть делают с ним, что хотят. Взамен на спокойную жизнь и безопасность она была готова пойти на такой шаг. Но ковен почему-то ждал, от них не было вестей.

Их деревня находилась очень далеко от города и ехать туда пришлось бы не один день. Но слухи распространялись по миру с огромной скоростью. Так что до Эрстедов вскоре дошла молва о том, что в ближайшем к ним городке уже сожгли троих женщин, заподозренных в колдовстве. Первой об этом узнала Нэн, которую мать все чаще стала посылать на рынок за покупками. Услышав недобрые вести от разговорчивой торгашки овощами, Нэн чуть было не выронила корзину из рук, вся побледнела и едва ли могла говорить. Ее сковал ужас. Что же будет с ними, когда церковники доберутся до деревни...

Когда Нэн вернулась домой, то была сама не своя. Она пересказала все матери за ужином после того, как две младшие сестры улеглись спать. Женщина тем временем кормила сына. Маленький проглот ел всё больше, поэтому Катарина сильно исхудала за время после родов. Ее и так можно было сравнить с призраком, но тут она и вовсе стала бледной, как мел.

– Когда, говоришь, это было? – спросила женщина после недолгого молчания.

– Пару дней назад...

– Ясно. Значит, здесь они могут быть уже через день, два.

К удивлению Нэн голос матери звучал крайне спокойно.

– Что будем делать? Мы можем сбежать в лес, переждать.

Женщина мотнула головой:

– Исключено. Если мы покинем дом, то соседи сразу же выдадут нас. Это подозрительно, а нам сейчас нельзя привлекать к себе лишнего внимания.

– И что тогда? Оставаться тут и ждать, пока нас сожгут?

Катарина посмотрела на дочь так, будто внутри у нее не осталось никаких душевных сил. Ей было так же страшно, как и самой Нэн. Но бегство было бы наихудшим вариантом из всех.

– Они нам ничего не сделают, Нэн. Как раз из-за этого «отродья». Церковники знают, что в семьях ведьм не бывает мальчиков. Мальчик – это благое знамение для них и дьявольская метка для нас. Мы обречены, но наши руки связаны. Хотя бы благодаря его рождению нас точно не предадут огню, мы будем вне подозрений. Ведите себя, как обычно и ничего не бойтесь. А теперь иди спать. Этот гадёныш кажется уже наелся, так что пора уложить и его...

Пол ночи Нэн не могла сомкнуть глаз, размышляя о том, благо ли, что им повезло с рождением мальчика в такое беспокойное время. Или лучше было бы быть честными с собой и с гордо поднятой головой взойти на костёр? Только когда младшая сестра Элиза обняла ее во сне, Нэн чудесным образом смогла забыться и уснуть.

Следующие дни Катарина вела себя показательно вежливо и приветливо со всеми соседями в округе. Много гуляла, сама ходила на рынок, и везде таскала с собой сына. Именно в эти дни у отродья появилось имя – Демиен.

– Какой крепкий малыш! Поздравляю, Катарина! У Мэрл рожала, говорят? Она тётка молодец, знает свое дело.

– Точно, наконец-то мужчина в доме появится! А то девки то твои небось уже устали дрова колоть, да воду таскать!

– Какое счастье! Наследника родила! Рада небось?

Ведьма улыбалась в ответ и поддакивала. Да, как же она ждала сына все это время. Жаль только, что отец не дожил до дня, когда смог бы увидеть своего первенца.

Кажется, что все те жители деревни, что ранее презирали женщину и за глаза называли убийцей мужей и ведьмой, теперь искренне сочувствовали ее горю. Удивительно, насколько изменилось их отношение, когда они увидели младенца мужского пола у нее на руках.

Маленький Демиен же обожал купаться во внимании и ласке. Успел посидеть на руках буквально у всех тёток на базаре. В эти дни в их доме появилось гораздо больше провизии, чем раньше. Половину всего этого добра они получали просто так, потому что Кэт всегда была с младенцем. Можно сказать, что Демиен сейчас действительно был тем, кто мог защитить их как от инквизиции, так и от разъяренной толпы.

Нэн не одобряла действия матери, но и не противилась им. Сения только вникала в происходящее, поэтому молча следовала указаниям старших, а Элиза была просто на седьмом небе от счастья, ведь в эти дни ей, наконец, разрешили нянчиться с братом.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Так вскоре в их дверь постучали. Катарина открыла, держа младенца на руках. Он недавно поел и теперь сладко спал в ее объятиях.

На пороге стояли церковники... преимущественно мужчины в белоснежных балахонах с вышитыми языками пламени и божественной атрибутикой церкви. Не узнать их было сложно.

У женщины перехватило дыхание, но она не выдала своего страха, лишь удивленно моргнув пару раз.

– Раба Божия Катарина Эрстед, мы – слуги Божьи и носители правосудия и слова Его пришли сюда, потому что ты подозреваешься в колдовстве.

– Ч-что? – удивленно выпалила женщина, крепче прижав ребенка к груди.

– До нас дошли сведения о том, что ты опаивала мужей своих, а затем убивала их, питалась их плотью и купалась в их крови. Свидетели заявляют, что не только ты это делала, но и твои дочери ведьминской крови тоже.

Катарина слушала это с замиранием сердца, затем просто-напросто упала на колени перед церковниками, продолжая прижимать сына к груди. Тот начал плакать, видимо, почувствовав тревогу матери. Нэн тут же выбежала из комнаты на крики младенца, с ужасом уставилась на людей в белом и подлетела к матери, обняв ее за плечи:

– Мама, мама... тише, поднимись, успокойся. Дай мне Демиена.

Служители как-то зашущукались и переглянулись, затем главный из них, который вещал, громогласно ответил:

– Этот младенец... Твой ребенок?

– Да... – тихо ответила Кэт, роняя слезы. Она была очень хорошей актрисой. – Это мой сын... Сын кузнеца Смита, который умер от оспы, пока его первенец еще не родился. Спросите любого! Это мой сын! Мой единственный, долгожданный сын!

Кто-то начал шептать на ухо главному церковнику о том, что у ведьм не бывает мальчиков. Факт, казалось, был неоспорим, но церковник все равно злобно поглядывал на Катарину и Нэн.

– Я опрошу соседей еще раз... если твои слова не подтвердятся, то ты сгоришь на костре вместе со своими отпрысками.

С этими словами инквизиторы покинули порог их дома. Кэт еще долго смотрела им вслед, не замечая, как плачет маленький Демиен. Только после того, как Нэн положила руку ей на плечо, Катарина пришла в себя. Поднявшись на ноги, все еще пошатываясь, женщина молча закрыла дверь и уложила мальчика в люльку. Демиен все так же громко плакал, что привлекло внимание остальных сестёр. Девочки начали перешептываться между собой, попутно стараясь успокоить младенца, пока мать вытирала слезы углом фартука. На лице у нее не осталось и следа бывшего горя и страха. Нэн иногда пугали такие перемены в матери, но она всё же набралась смелости и заговорила первой:

– Мама... что теперь?

Ведьма посмотрела на нее колко и холодно, затем окинула таким же взглядом остальных своих дочерей.

– Будем ждать. В худшем случае бежим, насколько далеко сможем убежать.

– Но как же Демиен, – послышалось тихое всхлипывание от Элизы. В ее руках мальчик магическим образом переставал хныкать и успокаивался.

– Оставим его тут. Я обещала повитухе, что не лишу отродье жизни, но не договаривалась о том, что буду его растить.

Глава 3

Инквизиторы так больше и не постучались в их двери. Кажется, рождение младенца в семье Катарины Эрстед вполне убедило их в том, что та не могла являться ведьмой. Деревня еще неделю гудела слухами и россказнями, но вскоре и те стихли. У крестьян было гораздо больше других важных дел, чем копаться в грязном белье семейства Эрстед.

Спустя еще пару недель на подоконник их деревенской лачуги прилетел сизый голубь с посланием, привязанным к лапке.

Катарина читала письмо, постепенно меняясь в лице. Потом она рухнула на стул, сжав кусок бумаги в кулаке и стараясь не выйти из себя. Дочерей не было дома, и сейчас она была наедине с Демиеном, который мило сопел, завернутый в “кулек” из одеяла.

В послании говорилось о том, что всей семье Эрстедов необходимо явиться к Верховной Матери колдовского ковена. Дело не терпело отлагательств. Других деталей в письме не было, но и этого было достаточно, чтобы понять – им грозит нечто похуже любой инквизиции. Катарина наивно надеялась, что заставят прийти только ее и Нэн, а младших девочек оставят в покое. Но нет, Верховная требовала, чтобы на поклон к ней явились все. Очевидно, что мальчишку тоже нужно было брать с собой, иначе об этом всё равно бы узнали.

Женщина просидела недвижимым истуканом очень долго, пока дверь в дом не скрипнула, а внутрь не вошли дочери. Нэн стала еще более угрюмой, а Сеня стала меньше разговаривать. Одна Элиза все еще оставалась по-детски наивной и веселой. Ей одной нравилось общество младшего брата, и она искренне не понимала, почему все остальные сторонятся его.

Заметив то, каким напуганным стало лицо матери, Сеня с Нэн тут же принялись расспрашивать ее обо всём. Катарина рассказала им всё, как есть, и вскоре написала обратное письмо, чтобы почтовый голубь смог, наконец, покинуть их дом.

– Может, есть какой-то способ скрыть ... его? – предположила Нэн, переглядываясь с Сенией. – Мы с Сени читали в Гримуаре о том, что есть какое-то заклятие сокрытия. Может, нам стоит попробовать?

Катарина взглянула на них так строго, что девочки тут же замолчали, не смея произнести ни слова. Раньше они никогда не видели мать такой. Во всём виноват этот нелепый младенец. Именно он разрушал их семью изнутри, а они сами ничего не могли с этим поделать.

– За сокрытие истины вас лишат сил. Лишат всего, ради чего стоит жить. Не смейте... Даже не смейте думать об этом. – голос Катарины дрожал, пока она говорила. На заднем плане Элиза что-то оживленно рассказывала маленькому Демиену, а тот, проснувшись, лишь издавал нечленораздельные звуки, похожие на смех.

– Хорошо, матушка, – обессиленно вздохнула Сеня, Нэн кивнула в ответ. Было понятно, что девочки были недовольны ответом матери, но что еще им было делать. Они – еще дети и не понимали, насколько серьезной была ситуация. Катарина потерла лицо ладонями и вновь посмотрела на девочек, но уже мягче, выдавив из себя остатки той ласки и любви, что в ней еще теплились.

– Извините меня... Я просто так ужасно устала. Поймите, это проклятие... Я не выбирала его. И сейчас только мне за него расплачиваться. Я не хочу, чтобы мы все попали в беду, но теперь у нас попросту нет выбора. Сделайте, как я говорю... Соберите свои вещи, что необходимы в дорогу. Завтра на закате тронемся в путь.

Девочки переглянулись. Как одна, они обняли мать, и Катарина смягчилась, обвив их тоненькие фигурки руками в ответ. Да, всё было так: они были всего лишь детьми, пусть в их жилах и текла ведьминская кровь долгожителей. Дети еще не познали горя, не хлебнули его

сполна, и не виноваты в грехах своих родителей. Все это было только на совести Катарини и больше ни на чьей.

В город они прибыли ранним утром. Двое суток езды в крытой телеге со всеми девочками и младенцем на руках вымотали Катарину. Но в городе она не была уже очень давно и теперь боязливо оглядывалась по сторонам. Кажется, что след инквизиции остался везде в округе... Уже на подъезде к городским стенам виднелись столбы с кострищами. Здесь проводили показательные казни. Инквизиция ушла, но жители города, кажется, продолжали заниматься самосудом. Только в стенах ковена им ничего не угрожало и необходимо было поскорее добраться туда.

Девочки старались не смотреть на лобные места, где в некоторых местах все еще валялись обугленные кости. Вскоре их окликнули. Это был неловкий уродливый карлик, завернутый в балдахин больше него самого. Из-под капюшона торчал лишь большой морщинистый нос.

– Эй...эй вы! Эрстед?

Катарина осторожно кивнула. Карлик выдохнул и вновь подал дребезжащий высокий голос:

– Следуйте за мной.

Ведьмы собрались кучкой и последовали за странным провожатым. Впрочем, Кэт такое стечение обстоятельств не удивляло. Скорее, она просто была напугана не меньше, чем ее дочери. Что их ждало в стенах ковена и могли ли они рассчитывать на их покровительство в дальнейшем? Им бы сейчас как никогда понадобилась защита. Правда, в глубине души Катарина понимала, что ничего хорошего от этого визита ждать им не приходилось.

Виляя вслед за карликом по узким улочкам города, который еще спал, ведьмы вскоре добрались до узкого лаза, сквозь который виднелся проход, закрытый тяжелой дубовой дверью.

– Идемте, мы почти дошли. Верховная Мать ждёт вас.

Внутри Кэт мгновенно что-то перевернулось. Почему-то одно единственное упоминание о Верховной ведьме ковена заставляло ее переживать сильнее нужного. Она покрепче перехватила младенца на руках и скомандовала девочкам идти впереди.

Они без труда пробрались до двери, затем карлик открыл ее каким-то уж очень ржаво выглядящим ключом: внутри механизма замка что-то неестественно щелкнуло, перекатилось, и только после тяжелая преграда сдвинулась с места, пропуская их внутрь. Следующие пять минут спуска куда-то под землю показали всем ведьмам вечностью. Один лишь карлик вел себя естественно, юрко и быстро перебирая большими ногами в мягких кожаных оплётках.

Вскоре они попали в просторный коридор, освещенный множеством факелов. Свет огня дарил уверенность и успокаивал, но Катарина знала, что это ощущение обманчиво. Она была готова ко всему, поэтому еще крепче стала прижимать к себе младенца. Тот неловко закричал, просыпаясь и уж было хотел заплакать, но мать шепнула заклинание, которое тут же заставило его вновь сонно сомкнуть веки. Применять эту магию на детях им было недозволительно, однако, Кэт несла на руках не дитя, а всего лишь ненужное отребье. Демиен был ошибкой, которой просто не должно было случиться. Ошибкой, за которую она теперь была в ответе не по своей воле.

Карлик тем временем завел их в большой зал, где было фактически пусто. Оставив их там, он юрко взбежал по лестнице помоста, на котором стоял «трон», если его так можно было назвать – крепкая каменная конструкция с вкраплениями мельхиора и изумрудных камней, больше напоминающая обычный стул, нежели что-то величественное. Только блеск драгоценных камней выдавал в стуле место, занимаемое самой Верховной ведьмой. Их провожатый смачно зевнул, затем плюхнулся на холодный пол поодаль от трона и устался на семейство Эрстед, без особого интереса разглядывая их свысока.

Сами же ведьмы молча озирались по сторонам... Нарушал тишину лишь треск огня.

Элиза прижалась к маминой ноге, вцепившись руками в подол ее перепачканной юбки.
– Мамочка, почему он на нас так смотрит? Мне страшно...

Легкое дуновение ветерка коснулось их лиц, затем Кэт почувствовала запах серы и затхлости. В воздухе прогремел старческий, но очень твердый и властный женский голос:

– Насколько же ты не уважаешь свой ковен, что пришла сюда в таком виде... Словно оборванка, ты и твои дети.

Кэт не ответила, лишь уязвленно поджав губы. Как будто она сама выбирала такую судьбу.

– Язык проглотила, Катарина Изабелла Эрстед? – голос старой ведьмы раздался в этот раз прямо за их спинами. Девочки от испуга аж вздрогнули, обернувшись на голос, но мать осталась стоять с гордо поднятой головой и не сводила взгляда с карлика на помосте, который начал хихикать, наблюдая за происходящим.

– Что такое? Ожидали увидеть старую, беззубую ведьму? – Произнесла Верховная и обогнула их по левую руку, встретившись лицом к лицу с Кэт.

Хоть голос Верховной и выдавал ее преклонные годы, в остальном она почти не изменилась с тех пор, как они последний раз виделись с Катариной. Тогда она была еще совсем девчонкой, а ее мать была чуть младше самой Верховной ведьмы. Однако, никому не было равных ей в ведьмовской силе, и с этим приходилось считаться всему ковену. Не удивительно, что ее волосы рыжей огненной гривой лоснились на покатых плечах, а пышная грудь едва ли умещалась в тесном корсете роскошного бархатного платья. Ни единой лишней морщинки или признака приближающегося старения. Однако, для Кэт возраст ведьмы выдавали ее выцветшие глаза. Теперь они больше напоминали переспелые оливки, а кожа женщины выглядела такой натянутой, точно кто-то старался обтянуть раму холстом, который не был для того предназначен.

– Верховная... – тихо произнесла Катарина и присела на одно колено, прижимая к груди Демиена, о котором совсем позабыла. Тот очнулся от заклинания и безмолвно надрылся в плаче все время, не понимая, почему ни единый звук не вырывается из его глотки. Девочки последовали поступку матери и тоже поклонились.

– Поднимитесь, не утруждайтесь, – раздраженно фыркнула Верховная и отправилась на свое место на помосте. Карлик следил за своей хозяйкой с почти священным благоговением. – Ты знаешь, зачем я послала за тобой, Катарина?

– Догадываюсь, Верховная, – кротко ответила Кэт, глотая собственную гордость или по крайней мере то, что от нее осталось.

– Да, да, конечно, догадываешься. Надо быть исключительной тупицей, чтобы не понять этого. Как зовут твоих дочерей?

Кэт кинула взгляд на старшую Нэн. Та, кажется, была скована страхом, как и Сеня. Но не успела она сама ответить, как за них высказалась Элиза, внезапно поборовшая любой страх.

– Меня зовут Элиза, это Нэн, а это Сеня. А это мой братик – Демиен.

Глаза Нэн расширились от ужаса, когда прозвучало мужское имя, но маленькую Элизу это совершенно не заботило. Она бесстрашно глядела в глаза Верховной ведьме, будто бросая ей вызов.

Это и насмешило Верховную. Женщина звонко рассмеялась на весь зал, с трудом успокоившись. Карлика такое развитие событий тоже позабавило, но он был верным слугой своей госпожи, поэтому их смех и хихиканье стихли ровно в один и тот же миг.

– Ах... Эта детская наивность... А у тебя очень храбрая дочь, Катарина. Храбрее своей матери уж точно. Подойди, дитя. – ведьма поманила к себе пальцем Элизу. Девочка взглядом спросила разрешения матери, та подтолкнула ее к трону. Маленькая колдунья неторопливо подошла к незнакомой ей женщине и замерла в паре шагов, не решаясь подойти ближе.

Верховная ведьма же наклонилась к ней и тихо спросила. Тихо ровно настолько, чтобы все остальные тоже могли ее слышать.

– Расскажи-ка мне о своем братике, Элиза.

– А... ты не сделаешь ему плохо? – вопрос маленького ребенка вновь заставил ведьму ухмыльнуться.

– Ну что ты, нет, конечно. Разве такая хорошая ведьма, как я, может причинить вред новорожденному? Расскажи мне, откуда у твоей мамы взялся новый ребенок?

Девочка задумалась, покусывая губы по привычке.

– Демиен мой младший братик, его мама родила недавно.

– А кто же отец?

– Не знаю, мама сказала, что он умер. Как и мой папа тоже. И мне очень жалко моего брата, потому что он такой же, как и я.

– Хм-м, – задумчиво протянула ведьма, – спасибо, Элиза. Садись рядом, тебе не о чем переживать, моя девочка. А ты, – она зыркнула в сторону карлика, – принеси детям фруктов и напитки сейчас же. Что за воспитание, ей Богу...

Карлик шустро поднялся и сбежал по помосту, выбегая из залы, но никто не обратил на него внимания. Все взгляды были прикованы к Верховной Матери.

– Катарина, будь добра, расскажи мне всю правду. Не гневи меня еще больше. – И хоть голос ведьмы был мягким и ласкающим слух, в нем явно слышалась угроза. Сколько раз Катарина слышала этот тон за свою жизнь? Пожалуй, слишком много, чтобы забыть то, что за ним обычно следовало. Но теперь она уже не маленький ребенок, скрывать ей было нечего, она была невиновна и знала об этом лучше, чем кто—либо.

– Я сошлась с кузнецом Беннетом Смитом, он проживал в нашей деревне и был вдовцом.

– Ты очаровала его? – Вдруг перебила женщину Верховная Мать.

– Нет. Мы просто дружили, а потом он был... он был добр ко мне. Помогал нам в нужде.

– Хм... Ясно, – задумчиво протянула ведьма себе под нос, затем махнула рукой, предлагая Катарине продолжить рассказ. Та собралась с духом, выдохнула, взглянула на ребенка, которого держала у себя на руках. Демиен все еще безмолвно кричал, заливаясь градом горячих слез.

– Мы разделили ложе, и я забеременела. Я не желала этого и не хотела еще одного ребенка... Я не думала, что это возможно без магического вмешательства.

Лицо Верховной Матери не изменилось, она все так же беспристрастно взирала на ведьму перед собой, попутно поглаживая маленькую Элизу по ее шелковистым волосам. Тем временем Кэт продолжала, всем своим видом выражая сожаление и раскаяние.

– Он умер незадолго до рождения ребенка. Как и все остальные... Но я не использовала магию, даю слово. – последнюю фразу Кэт сказала с большей натугой, пытаясь сдержать подступающие слезы. Ей совершенно не хотелось выглядеть слезливой замарашкой перед Верховной, да еще и в присутствии собственных дочерей.

– Удивительно, – буркнула Верховная ведьма, внимательно рассматривая поочередно Сению и Нэн. Ее мысли, казалось, блуждали далеко-далеко отсюда, внимание сконцентрировалось лишь тогда, когда в зал вновь вернулся карлик. Он тащил в руках большой круглый поднос, на котором взгромоздилась ваза с фруктами и три кубка с напитками для девочек. В зале тут же воцарилась неестественная тишина. Карлик поочередно подошел к дочерям Кэт, отдавая им кубки с напитками и побуждая взять лакомства. Все это он делал учтиво настолько, что становилось противно. Нэн и Сения взяли питье и по яблоку, но пить и есть не спешили, тревожно поглядывая на мать. Элиза же непринужденно выбрала гроздь винограда и взяла кубок, усевшись на ступеньку рядом с тронем Верховной. Она еще была слишком мала, чтобы беспокоиться о таких вещах, как отравы в еде или воде. Однако, Кэт не переживала за дочерей. Она знала, что каждая ведьма сейчас на счету, и Верховная Мать не стала бы губить себе подобных ради одного странного происшествия.

– Что ж, Катарина, – вздохнула женщина, после чего откинулась на троне, расслабленно постукивая ногтями по подлокотнику, – ты знаешь, в каком мы сейчас положении. Весь ковен вынужден скрываться, пока эти псы Божьей благодати шныряют по городу и в его окрестностях. Конечно же, ты не дура и понимаешь, что девочек твоих я не трону. Но рождение мальчика, да еще и **такое**.. Тебе придется ответить за это.

– Но она ничего не сделала! – Внезапно Сения подала голос. Нэн и Кэт вмиг побелели, уставившись на среднюю дочь Эрстед. Сения тут же стушеввалась, невольно выронив из рук яблоко от нахлынувшего страха.

Верховная Мать перевела взгляд на девочку, ласково улыбнулась ей и заговорила:

– Знаешь ли ты, дитя, в чем повинна твоя мать?

– Н-нет... – почти шепотом ответила Сения. Голос ее дрожал.

– Давай я тебе расскажу, – ведьма поднялась с места и направилась к девочке. Вопреки всем ожиданиям Сении, трогать ее страшная Верховная не стала. Вместо этого она подошла на расстоянии вытянутой руки и улыбнулась уголками губ, рассматривая Сению.

Девочка стояла неподвижно, руки и ноги у нее начинали трусить.

– Вы, милые мои ведьмочки, не просто так появились свет. За ваше рождение ваша матушка всегда должна была платить кровью. Жизнь за жизнь, так уж устроено. Поэтому все ваши отцы сейчас лежат в сырой земле. Но дело даже не в этом... – она подошла к Катарине, заглянув в сверток с отвращением и интересом одновременно, – ведьма не может зачать ребенка, не совершив кровавый ритуал. Это гарант того, что на свет появится новая женщина со способностями к магии.

– Но ведь его папа тоже умер, – тихонько вставила Сения, старательно избегая взгляда Верховной.

Ведьма бесперемонно вырвала из рук Катарина мальчишку, взмахнула пальцами, будто посыпала ему на личико магической пылью, и Демиен тут же уснул крепким сном.

– Твоя мать не платила кровью его отца за его рождение. Кто этот демон, дитя? Ты знаешь, что рождается от ведьм, когда они не платят за свое проклятое потомство? Не знаешь? В таких случаях рождаются магические калеки, уроды и демонические отродья, способные приблизить конец этого мира. Такие формы жизни не имеют даже права на существование...

Сения и Нэн удивленно моргали, пока Катарина стояла, понуриив голову. Ведьма вручила матери ее мальчика обратно, после чего указала на трон.

– Сения и Нэн, идите к своей младшей сестре. Вы ни в чем не виноваты. – после чего она резко кинула в сторону карлика за своей спиной. – Уведи их, пусть им выделяют комнату. И поскорее, не хочу, чтобы они видели, как по-настоящему казнят ведьму.

Наступил черед Нэн охнуть и выпустить все из рук. Она припала к боку матери, ухватившись ей за рукав.

– Нет! Вы не можете! Это несправедливо! Это всё повитуха! Мы бы избавились от него, если бы она не пригрозила проклясть нас всех... Мама просто защищала нас! Оставьте нас в покое, прошу вас, и мы не посмеем тревожить вас больше!

Верховная строго взглянула на старшую дочь Эрстед и ответила все тем же пугающе ласковым голосом:

– К сожалению, не могу позволить себе такой роскоши. Идите за ним, если не хотите той же участи, что и ваша мать.

Катарина приобняла Нэн одной рукой и чмокнула ее в лоб.

– Слушай, что тебе говорят, дорогая... Береги Сению и Элизу ради меня, хорошо?

У Нэн на глазах выступили слезы, Элиза все еще ковыряла виноград, но выглядела растерянной и напуганной, а Сения обняла маму за талию.

– Идите, ну же! – Строго сказала Катарина, пытаясь привести девочек в чувства. Только после этого Нэн взяла Сению за руку, с трудом оторвав от матери, и они вместе направились

к Элизе, чтобы забрать и ее. Последнее, что услышала Катарина – это плач маленькой Элизы. Ни одна из дочерей не обернулись, пока уходили вслед за карликом. По крайней мере одно Кэт знала точно – под крылом ковена им будет гораздо безопаснее в это беспокойное время.

Когда шаги всех четверых стихли окончательно, Верховная ведьма переменялась в лице. Отвращение и гнев залили ее лицо, и она отвесила Катарине звонкую пощечину. Да такую, что у женщины невольно слезы брызнули из глаз.

– Видит провидение, не будь я твоей прабабкой, ты давно была бы магически стерильной. Тебя бы иссушили, как какой-нибудь ненужный сосуд и выкинули на окраину жизни. Глупая девчонка...

Сейчас, когда старшая ведьма злилась, она выглядела действительно старой. Когда она не владела собой, магия слабела, и ее красота теряла свой блеск.

– Сначала сношается с каким-то мужиком, потом влюбляется, рождает... да еще и мальчишку! Разве твоя мать не учила тебя, что ведьмы не имеют права приносить в этот мир потомство мужского пола? Просто идиотка, Катарина. Ты просто идиотка.

Кэт слушала все это с полузакрытыми глазами. Слез она уже не сдерживала, хоть они и были тихими слезами раскаяния.

– Мне бы следовало лишить тебя магии, отдать под трибунал или вовсе расправиться с тобой по старинке. – процедила Верховная Мать, затем шумно выдохнула, начала расхаживать взад, вперед и натирать виски костяшками пальцев. – Немыслимо, чтобы именно в моем роду произошло нечто подобное. Ты хоть представляешь, какой позор ляжет на нас, если кто-то об этом узнает? Эрстеды отмывались от прегрешений своих предков слишком долго, чтобы теперь профукать все это из-за импульсивности одной ведьмы!

– Делай со мной все, что хочешь. Главное, чтобы мои девочки были в безопасности...

Ведьма замерла на месте и задумалась о чем-то, крепко нахмутив лоб и брови. Сейчас на вид ей явно было чуть больше шестидесяти лет... в сущности же, без вмешательства магии, ей шел уже сотый год.

– Я не стану тебя убивать или иссушать. По городу рыщут псы инквизиции, и мне их внимание не к чему. Вместо этого ты возьмешь своего выродка и отправишься в самую далекую, Богом забытую деревню, которую вообще сможешь найти. Ясно тебе? И если до меня долетит хоть один слух, хоть одно слово или упоминание твоего имени... твои девочки поплатятся за все твои грехи, а затем и ты сама, Катарина. Понятно?

Глаза Кэт расширились, красные от слез, теперь они казались еще огромнее. Она закусила губу, невольно сильнее прижав к себе Демиена. Ребенок тут же недовольно насупил мордашку во сне.

– Изгнание... Это даже хуже смерти.

– Заставит тебя подумать о том, что ты совершила.

Теперь, когда решение было принято, Верховная вновь стала спокойной, как удав. Магия постепенно возвращала свое, морщинки улетучивались с ее лица, будто их кто-то стирал невидимым ластиком.

Катарина не могла ничего возразить, но все же решила предпринять последнюю попытку искупления. Она рухнула на колени, больно ударившись об каменный грубый пол, и протянула младенца к ведьме.

– Если уж я изгнана из ковена, то хотя бы попроси за меня у норн. Пусть снимут проклятие повитухи. Так я смогу расправиться с отродьем. Умоляю...

Внезапный смех Верховной заставил Катарину содрогнуться всем естеством. Она осторожно взглянула на женщину снизу вверх. Прабабку явно позабавила такая мольба.

– Ох, дитя... Какая же ты смешная. Никто... слышишь, никто из нас не в праве делать этого. Ты прогневила не только меня, но и возможно что-то, что стоит выше нас всех. Воз-

можно, этот ребенок и дался тебе в наказание за твое грехопадение, тебе и жить с этим. Ступай. У меня больше нет времени и желания слушать тебя.

С этими словами Верховная уверенно вышла из зала, оставив Катарину наедине с Демиемом, который мирно посапывал у нее на руках. Она смотрела в его невинное младенческое пухлое лицо и испытывала почти непреодолимое желание со всей силы бросить ребенка об каменный пол. Но в итоге не смогла, ее тут же настигло разрушительное бессилие. Кэт захлебывалась тихими слезами беспомощности. Теперь ей только и оставалось, что думать о благополучии своих дочерей, и о том, чтобы не подвергать их опасности.

А еще поддерживать жизнь в своем сыне. Единственном сыне. Порочном и запретном отрочье, которого когда-то посмела родить от мужчины, которого взаправду полюбила.

И жить... жить вопреки всему и всем.

Глава 4

– Она меня всегда недолюбливала. Ненавидела даже, наверное. Какое-то горячее желание навредить мне всегда сидело в ней, а я был слишком мал, чтобы по-настоящему противостоять ее воле. Ведь кроме нее у меня никого не было, а у нее не было никого, кроме меня. Мы были созависимыми существами со связью, от которой не могли избавиться.

Бархатистый мужской голос перекатывался в полутемном помещении и очень естественно разлетался вокруг. Слова стекали с языка, точно сладкий мёд. Этот голос хотелось слушать как можно дольше. Впитывать голос каждой частичкой тела, каждой клеточкой своего естества постараться вникнуть в суть сказанного.

В комнате, которую освещала только лампа ночник, на большой кровати лежали два обнаженных человека. Одним был мужчина, второй была женщина. Женщина гладила покалуженную мужскую грудь подушечками пальцев, будто рисовала на его коже видимые только ее глазу узоры. Она молчала, замороженная и возбужденная. Они недавно занимались любовью, это было видно по следам на постели и по капелькам пота на женском теле.

– Любила ли она меня хоть когда-нибудь? По-настоящему, как своего сына. Может, любила в младенчестве? А может и вовсе ненавидела всю мою жизнь. Тогда зачем оставила и сохранила мне жизнь?

– Проблемы матерей и детей всегда самые запутанные, сладенький. – Тихий женский голос, наконец, прозвучал в ответ на исповедь мужчины. Но в тишине комнаты он слышался инородно. Его тут не должно было быть, должен был остаться лишь мужской тембр с его бархатом, ласкающим слух.

Темноволосый мужчина, на вид лет тридцати, сел на кровати, взял в руки пачку сигарет и зажигалку. Не вставая с кровати, он закурил. Жесты тонких, музыкальных пальцев были элегантны и выверены до единой детали. Он молча курил, пока женщина продолжала размышлять.

– Зачем забивать этим голову? Ты же еще так молод, наверняка, есть вещи поважнее, чем какая-то старуха, которая ни в грош тебя не ставила всю жизнь. Вот я свою мать даже не знала никогда. Она бросила меня, пока я была еще совсем маленькой.

Женщина последовала примеру своего любовника и поудобнее уселась на кровати, зажав воздушное одеяло между бёдер. В ее голосе просквозил холод и презрение.

– Твоя старуха хотя бы вырастила тебя, а моя просто забила и бросила. Но, знаешь, я не жалею. Жизнь у меня, что надо. Работа в стабильной конторе, съёмная квартира, кошка. Сплю с такими вот красавчиками на выходных... хех, что еще надо для счастья?

Мужчина сделал глубокую затяжку, впусив табачный дым в легкие и выпусив обратно сквозь ноздри. Он повернулся к ней, слегка улыбувшись одними уголками губ, будто усмехаясь.

– Лучше не задаваться такими вопросами, так ты считаешь?

– Ну да, естественно! – хмыкнула женщина, пожав плечами и заодно поправив волосы, упавшие на лоб. – Жизнь и так коротка, чтобы растрчивать ее на такие пустяки.

– Хм... – задумчиво протянул мужчина себе под нос, вновь закурив. Он уже не смотрел на свою спутницу, просто сканировал воздух перед собой, размышляя о чем-то своем. – Да уж, люди, как мотыльки. Жизнь их очень скоротечна.

– Что?

– Нет, ничего. Просто мысли вслух. – снова эта наполовину улыбка, наполовину ухмылка.

Он не докурив сигарету, привычным для себя жестом двух пальцев потушив ее о пепельницу, что стояла рядом с кроватью на потертой тумбе. Но его это ничуть не смущало, как и то, что сама его спутница была почти как эта самая прикроватная тумбочка в дешевом отеле.

Все ее наполнение и мысли были почти такими же ... бессмысленными. Мужчина накрыл шею ладонью, разминая затекшие мышцы.

– Так вот, к чему я это. Может, тебе даже повезло, что ты отделался от нее в итоге. Знаешь, многие мужчины ведь до собственной старости нянчатся со своими родителями, особенно с матерями. – Он почувствовал ее дыхание прямо над ухом, а затем робкое касание пальцев рядом с пахом. – Ты должен быть признателен ей за то, что она выпустила тебя из гнезда и не дала привязанности. Только так можно стать абсолютно независимым человеком...

Ее голос, похабный и склизкий... Мужчина не мог больше слушать те бредни, что вылетали из ее рта. Он не стал поворачивать к ней голову и даже не удостоил взглядом, только задумчиво глядел в пространство перед собой, пока рядом с ним испустила последний вздох недокуренная сигарета.

– Единственное, за что я признателен своей матери, так это за то, что дала мне сил достаточно, чтобы ненавидеть.

Он сжал кулак. Медленно, осторожно, при этом совершенно не двигался, все так же сидя на кровати. Его губы дрогнули, точно он пытался сказать что-то, но женщина этого не увидела. Вскоре рядом с ним раздался звук удушения. И по мере того, как его кулак сжимался, звуки судорожного глотания воздуха становились все отчетливей и страшней. В воздухе запахло животным страхом и смертью. Мужчина невольно вдохнул глубже, отчасти наслаждаясь моментом.

Она не понимала, почему начала задыхаться, и стала яростно колотить его по спине и плечам кулаками. Руки женщины слабели, а он сидел, точно истукан, все сильнее сжимая кулак, прикрыв глаза. Он чувствовал себя садовником, который только что выкорчевал очередной никчемный и бесполезный сорняк. Чувствовал себя удовлетворенным и счастливым. Жаль, что этот миг длился совсем недолго. Сил у простых смертных было не больше, чем у мухи, поэтому и сопротивление было недолгим. Спустя каких-то полторы минуты она потеряла сознание, а еще через тридцать секунд окончательно перестала дышать.

Теперь надо было очистить тело и постель... Занятие хлопотное для обычного человека, но не для него. Он встал с кровати, довольно быстро оделся и приступил к ритуалу, который называл «исповедью». Его не учили магии, так что приходилось учиться самому и изобретать все новые способы ворожбы. Порой даже придумывать им собственные наименования.

Встав на колени перед кроватью, где лежала еще теплая обнаженная женщина, он щелкнул колесиком зажигалки и извлек язычок пламени. Размеренный вдох и выдох. Мужчина стал что-то нашептывать себе под нос, почти не слышно. Лишь его губы двигались быстро-быстро, пока, наконец, он не раскрыл веки. Свободная от зажигалки ладонь молниеносно накрыла спокойный огонек. Только после того, как вокруг раздался отчетливый запах жженой кожи, а огонь каким-то неестественным образом пытался вырваться из кулака колдуна, проскальзывая алыми языками сквозь пальцы, он позволил себе замолчать и раскрыл ладонь.

Пространство номера в мотеле постепенно наполнил едкий аромат дыма, и воздух стал грязнее. С пару секунд колдун еще наблюдал за тем, как осязаемо дымная пыль обволакивает мертвое тело девушки и кровать, и когда был удовлетворен по каким-то своим внутренним меркам, расслабленно махнул обожженной рукой. Дымка постепенно начала пропадать, будто ее никогда и не было.

Вот уж чему точно смогла научить его мать, так это тому, что любая сложная магия требовала платы. Если что-то отнял – придется заплатить. Не сейчас, так позже. Возможно, для расплаты уйдут годы, десятилетия, а иногда и века, если повезет. Но Демиен все же предпочитал платить по счетам сразу. Эта обожженная ладонь будет еще пару недель напоминать ему о совершенном промахе.

О теле женщины средних лет, найденном в дешевом мотеле на окраине Лондона, написали в бульварной газетёнке через пару дней в колонке «Криминальные хроники». Журналист писал, что криминалисты, прибывшие на место, не нашли ничего специфического, что могло бы указать на насильственную смерть, так что следствие было поставлено в тупик и было решено пояснить смерть тридцатипятилетней Амелии Бленнер, как внезапную смерть от сердечного приступа.

– Ужас то какой... Вот так живешь себе спокойно, а потом бац и всё. Кердык.

Похоже продавщица тоже была яркой фанаткой колонки про криминал, поэтому тут же заметила особую заинтересованность в ней Демиена. Тот лишь вежливо улыбнулся в ответ и отдал женщине положенные пару фунтов за газету.

– Берегите себя, молодой человек. – лучезарно пожелала ему женщина, показывая кривоватые зубы.

– И вы, мэ. – отсалютовал ей Демиен, пихнул газету под мышку и направился дальше по бульвару, залитому утренним солнцем. После этой новости ему даже стало легче дышать. Одно лишь расстраивало – он не добился своей цели, и промах этот был очень досадным, ведь он подобрался так близко, как никогда раньше.

На месте несчастной мисс Бленнер должна была быть другая женщина. И теперь Демиен догадывался, почему она так быстро оставила свою подругу в полном одиночестве на растерзание ему. Ведьмы чувствовали себе подобных, могли учуять магию в любом, кто был к ней хоть сколько-нибудь склонен. Но у самого Демиена такой особенности не было. Так уж вышло, что он родился не совсем обычным колдуном. Вернее, он вообще не должен был появляться на свет. Однако, всегда есть что-то, что выше нас всех, и как раз это что-то дало ему право на существование. Правда, в придачу постаралось отобрать большую часть положенных ему привилегий. Так что, к сожалению, он не мог «учуять» магию в ком-то, как делали это ведьмы. Мог лишь понять это, если видел воочию. Или сопоставить косвенные признаки. Рождаясь на свет, ведьма должна была отдать Вселенной что-то взамен за свои силы и долголетие. Ведьмы матери предпочитали платить жизнью собственных любовников, отцов их дочерей. И насколько Демиен знал, не было никого, подобного ему. Ни одного колдуна, лишь ведьмы. Те немногие гримуары об истории магии, которые ему удалось найти за долгие годы своей жизни, рассказывали о том, что ведьмы сами по себе стерильны, и якобы только кровавая жертва позволяет им плодиться дальше. Однако, нигде не было сказано, почему он – исключение из правил.

Сам же Демиен понял, что может колдовать где-то на десятом году своей жизни. До этого момента он был абсолютно обычным ребенком из маленькой английской деревушки в глуши. Мать частенько поколачивала его за детские проступки или озорство, и, однажды, магия, вся эта стихийная сила, просто выплеснулась наружу, затмив его детский разум. Тогда он только защищался, но внутри него бурлил гнев. За что она бьет его? За что ненавидит? Почему он не может быть, как все дети? Мысли слились воедино в крик боли и непонимания, а затем ударили по матери волной такой силы, что женщину откинуло на противоположный конец их тесного дома. Только чудом она ничего себе не сломала, а Демиен почти сразу упал без сил и потерял сознание. С тех пор они старались не вспоминать этот инцидент, но мать явно стала вести себя иначе. При виде сына она замирала, в глазах читался страх и предупреждение: «Не нападай на меня, и я не причиню тебе вреда». Договор, который мы пытаемся заключить лишь в случае с диким зверем. Она не ожидала от сына ничего подобного, может, даже радовалась тому, что он не унаследовал магической силы. Но ее молитвы никто не услышал, а у него появилось еще больше вопросов, на которые она отказывалась давать ответы.

Демиен полагал, что мать попросту испугалась того, что ее сын оказался магом. В ее планы не входило ни его обучение, ни даже то, что он будет владеть магией или иметь к ней способности. И как бы он не старался просить ее помочь, научить хоть чему-нибудь или объ-

яснить – она всегда отказывалась. Говорила, что у него слишком разыгралось воображение, только и всего.

Будучи мальчишкой ему приходилось выкручиваться самому. Помимо приходской школы, куда мать немедленно отдала его, как только он достиг нужного возраста, Демиен постоянно искал сведения о магии. В школе им говорили о вреде колдовства, о том, как опасно это дьявольское искусство и что тех, кто его практикует, после смерти ждут самые невыносимые и жестокие пытки. Конечно, Демиена это не останавливало. Напротив, подстегивало интерес. Так что он начал самостоятельно искать свой путь в магии. Найденные дома гримуары матери помогали ему в этом, но не во всём. Большинство текстов он, как не силился, не мог прочитать, поэтому имел представление только о самых простых и безобидных вещах.

Путь Демиена в магии был тернист и полон неудач. Почти все он изучал буквально на ощупь, как слепой котенок, тыкаясь носом в неизведанное и пытаясь определить, принесет оно ему пользу или вред. Но чего ему было не занимать, так это терпения и упорства. Добавьте к этому большое любопытство, и получится ядерная смесь. К тому же, у него было на руках очень много времени, чтобы изучить все премудрости колдовского искусства, прежде чем состариться.

Его поиски и обучение продолжалось до сих пор, хоть на дворе уже были далеко не Средние века. Колдун прекрасно знал со слов матери, что он – не единственный ее отпрыск. Она частенько обвиняла его во всех смертных грехах, и одним из таких был упрек в том, что именно из-за него ее разлучили с дочерьми.

Естественно, у него не было ни описаний, ни фотографий, ни даже рисунков. Ничего, что могло бы привести его к сестрам, если те были еще живы. Но, еще в молодости, Демиен стремился найти их. Искал все эти столетия, но все было безрезультатно. В конце-концов, мужчина решил, что они либо мертвы, либо просто не хотят иметь с ним дело. Это его не удивляло, ведь сестры могли не любить его так же, как и мать.

Пока он искал, ведьмы то уходили в подполье, то вновь выходили из тени, и именно в эти моменты он мог на короткий миг прикоснуться к их таинству. Каждая ведьма, которую он встречал у себя на пути, была не похожа на другую, и у каждой он старался учиться чему-то новому, прежде чем отправить в последний путь. Жаль ли ему было убивать их? Нет, ведь они, узнав о его колдовской сущности, тут же стремились избавиться либо от него, либо сбежать самим. Ни того, ни другого колдун не мог позволить, и именно так начался его “Крестовый поход”.

Размышляя обо всем этом, Демиен не заметил, как подошел к кофейне, где каждое утро брал свежий кофе. С тех пор, как в Старый Свет стали привозить кофейные зерна, мужчина целиком и полностью перешел в веру кофейного напитка и с утра не мог пить ничего другого. Чашка черного крепкого кофе на голодный желудок помогала ему взбодриться и освежить мысли.

В этот раз за прилавком была новенькая. Ярко-красные крашенные волосы, пирсинг и татуировки – современная мода, за которую в былые времена могли тотчас же предать смертной казни. Увидев посетителя, девушка широко и приветливо улыбнулась:

- Доброе утро, сэр. Что для вас приготовить?
- Доброе... – он прочитал имя на бейджике, – Майла. Двойной эспрессо, пожалуйста.
- Хорошо. Что-нибудь перекусить?
- Нет, благодарю. Только кофе.

Майла кивнула, быстро рассчитала посетителя и отвернулась к кофе-машине. Демиен тем временем спокойно ждал у стойки бара, задумчивым взглядом сканируя пространство кофейни. Несмотря на будний день, посетителей было на удивление не много. Из задумчивости его вывел голос девушки.

– Прощу, ваш напиток готов, – она поставила стаканчик с кофе на столешницу и задержала на Демиене взгляд дольше, чем нужно. Затем все же решилась на комплимент. – Мне нравится ваш стиль. Очень по-английски.

Демиен оглянул свой серо-черный костюм с пальто цвета воронова крыла. Все сидело на нем, как влитое. По мнению мужчины он выглядел максимально опрятно и просто, не броско. Но, кажется, Майле он показался весьма экстравагантным.

– Благодарю. Хорошего дня. – он позволил себе короткую улыбку в ее адрес и вышел из помещения, продолжив свой путь.

В этом столетии Демиен работал частным детективом. Такой род деятельности помогал ему достигать своих целей по выслеживанию ведьм, к тому же приносил неплохой доход. Да, порой приходилось вычислять любовниц неверных мужей и измены жен, но это стоило немалых денег. В остальное же время Демиен мог спокойно заниматься своими делами.

Он снимал кабинет в офисном здании в центре Лондона. Помимо него там работала куча клерков и офисный планктон разных мастей, тонна индивидуальных предпринимателей и частных адвокатов, чей бизнес зачастую быстро прогорал. Его же дело последние два века оставалось очень востребованным. А будучи магом Демиен в этом преуспевал.

Открыв кабинет стареньким ключом, он тут же пошел к окну. Внутри стояла невыносимая духота и запах пыльных бумаг. Он не появлялся на рабочем месте уже пару дней, за это время тесное помещение будто обрастало вековой пылью и покрывалось мхом.

Усевшись в кресло, колдун сгрёб в стопку те папки с делами, что уже были закрыты и стал перебирать новые, которыми еще предстояло заняться. Недавно к нему пришел богатенький папик, который заподозрил свою малолетнюю новоявленную супругу в измене и мошенничестве с его активами. Для Демиена дело было ясным, как день, но не для заказчика. Его постоянно удивляло нежелание людей видеть проблему, которая была прямо перед их носом. Чем дольше жил Демиен, тем сильнее становилось это ощущение «чужого» среди своих. И это не был синдром самозванца – это было элементарное осознание того, насколько глубоко люди зарылись в свои головы и как сильно закрыли глаза, не желая видеть происходящего вокруг.

Перебирая папку с фотографиями и отчетами от предыдущего детектива, мужчина невольно вздохнул. Тут придется доработать и отправиться «в поля». Недолго думая, он набрал в навигаторе нужный адрес, где обычно появлялась молодая особа, и спустя пару минут уже вышел из кабинета со стареньким пленочным фотоаппаратом в руках.

Остановившись у одного из модных ресторанов в районе Мейфэр, Демиен прислонился плечом к парковочному аппарату и достал пачку сигарет. Неторопливо закурив, он поглядывал на вход в заведение и осматривался. Глазами он искал девушку высокого, модельного роста с короткой стрижкой и чёрными волосами. На вскидку он предполагал, что его цель должна приехать на личном автомобиле, а выглядеть с иголочки.

Не успев выкурить и половину сигареты, он тут же поймал взглядом нужную машину. Дорогая ауди, из которой не спеша вылезла та самая девушка. В этот раз она была одна, сопровождения он не заметил.

Сработал затвор фотокамеры. Демиен пару раз щелкнул ее, заходящей в ресторан, затем меланхолично продолжил покуривать. Чутье подсказывало, что она приезжает сюда на ланч явно не в гордом одиночестве. Было бы глупо возить в своей машине любовника, зная, что за тобой ведется слежка. Прошло ровно пять минут, как из-за угла здания вынырнул парень лет двадцати пяти. Одет он был опрятно, по последней моде, насколько мог судить мужчина. Тоже высокий, широкоплечий, причёсочка что надо. Его клиент. Демиен хмыкнул. Снова сработал затвор камеры. И каким нужно быть детективом, чтобы не продумать очевидных вещей заранее? В отчетах, предоставленных ему, было точно указано, что никаких посторонних связей замечено не было. И именно поэтому Демиен продолжил стоять на своем месте с камерой на

показ, даже когда парень опасливо озирался по сторонам, проверяя, нет ли за ним слежки. Дождавшись, пока жертва его заметит, он едва уловимо улыбнулся уголками рта и выдохнул сигаретный дым, затем затушив сигарету о парковочный автомат. Парень боязливо моргнул пару раз и скрылся в недрах ресторана.

Решив дать голубкам поворковать немного, обсудить, так сказать, план их дальнейших действий, Демиен отправился в кафе через дорогу и сел на летней веранде, заказав чашку кофе и сэндвич с сыром. Теперь ему оставалось только ждать, пока кто-то из них двоих решит почтить его своим личным визитом. В конце концов, теперь было очевидно, что именно так и слился прошлый детектив.

И пока эти двое размышляли о своих дальнейших действиях, Демиен стал рыться в файлах собственного телефона. Там он частенько записывал заметки о деталях дел, либо вел собственные записи, касательно поиска ведьм. Последней жертвой оказалась обычная смертная, а значит он промахнулся. Эта оплошность до сих пор больно бередила его самолюбие. С другой стороны, он так устал цепляться за мимолетные знаки, что его не удивлял промах. Это было просто досадно. В следующий раз нужно быть внимательней.

Он так сильно погрузился в собственные мысли и записи, что не сразу заметил, как к нему подошел тот самый парень. Когда же заметил, тот уже присаживался за столик напротив, недовольно и по-хозяйски закидывая ногу на ногу. Если бы он умел скрывать свои эмоции, а именно тревогу и страх, можно было бы подумать, что сейчас он – хозяин положения и сильно взбешен.

– Послушай, друг, я знаю, кто ты такой и зачем ты тут с камерой тусуешься. Давай решим все мирно... Она заплатит тебе кругленькую сумму, а ты скажешь старику, что ничего подозрительного не нашел. Неплохой расклад?

Демиен откинулся на спинку стула, пожав плечами с совершенно безразличным выражением лица:

– Не могу принять ваше предложение, молодой человек. Со мной заключают особенные договоры, в которых, знаете ли, есть пометка о недобросовестном исполнении. Да и сами подумайте, если не я, то будет кто-то другой. Долго ли понадобится моему заказчику, чтобы сложить дважды два и понять, куда отправляются «кругленькие суммы» из его кошелька?

Парень демонстративно закатил глаза и недовольно постучал пальцами по столешнице:

– Да брось! Все продаются, ты не исключение.

– Исключение, – коротко отрезал Демиен. Его лицо все так же оставалось непроницаемым, и это явно бесило собеседника.

– В таком случае в следующий раз ты скорее всего окажешься в больничке. Весь нахрен переломанный, что мать родная не узнает. Такая перспектива тебя больше устраивает?

– Хм-м, – вздохнул колдун, после чего поднялся из-за стола. За свой ланч он уже рассчитался, поэтому не торопился. Обойдя парня, который по глупости своей вздумал ему угрожать, он обошел его сбоку, сложив ладонь на широкое плечо и тихо произнес:

– Aen elm sin.

– Чего?

– Это тебе предупреждение. Негативно сказывается на потенции, – наконец, на лице Демиена засияла улыбка. Отнюдь не добродушная.

Парень резко поднялся со своего места, стряхнул руку колдуна со своего плеча и уже хотел было схватить того за ворот, но тут же поймал на себе взгляд менеджера кафе.

– Пошли-ка выйдем, – буркнул он, отпустив мужчину и они вдвоем вышли из заведения. Демиен даже успел поблагодарить за чудесный кофе, прежде чем его попытались впечатать спиной к кирпичной кладке здания. На горе парнишки, угрозы на него не работали, особенно такие грубые и допотопные. Как только рука горячего любовничка коснулась его пальто,

Демиен тотчас же перехватил его за запястье и резко вывернул руку за спину, да так, что парень от неожиданности громко крикнул.

– Ну вот, теперь мы можем поговорить по душам спокойно, да? – голос Демиена звучал прямо над ухом парня.

– Ай-ай...! Отпусти щас же! Совсем охренел?!

– Отпускать я тебя пока не собираюсь. Для начала послушай сюда внимательно. Если ты будешь и дальше мне угрожать, то скорее всего очень быстро провалишься в канализационный люк, на голову тебе упадет кирпич, сойдет машина ... словом, с тобой произойдет что-нибудь очень неприятное. Смертельно или нет, пока не решил. Думаю, на первое время обойтись предупреждением. Второе, о чем ты должен узнать – твоя пташка кормит тебя лишь за счет своего старого мужа. К сожалению для нее, даже после его смерти она не получит ни фунта. Старик не настолько идиот, как вам двоим кажется. А если вы попытаетесь и его шантажировать, то... вспомни пункт первый. Только без предупреждений. Всё понял?

– У...угу... – буркнул в ответ парень, скрючившись от боли в запястьях. – Угрожать мне не надо только...

– Я не угрожаю, только констатирую факты. Фотография твоя у меня есть, показать ее старику и пробить по базам данных, это мне труда не составит. Но вот какой момент... тебе я зла не желаю, скорее наоборот. Хочу, чтобы ты прозрел. Просто компанию ты себе выбрал неподходящую.

– Чего ты блин несешь?! – прошипел молодой человек, но также быстро замолчал. Демиен и слушать его не планировал.

– Твоя девочка с надувными сиськами останется с носом, как только я отправлю отчет ее мужу. И тогда она пересядет тебе на шею. Ты и так вряд ли много зарабатываешь, раз она умудрилась втянуть тебя в эту аферу. Так что подумай хорошенько, стоит ли оно того. Если решишь в пользу не пригревать змею у себя на груди – твоя смазливая мордашка не пострадает.

Демиен договорил и только после ослабил хватку, которой все это время держал запястья и локоть парня. Тот бы при всем желании не смог извернуться, так что просто молча сопел в стенку.

– Ради всего святого, о чем ты нахрен вообще? С какой стати Я тебе сдался?

Парень повернулся к колдуну с недовольным лицом, но прогресс уже был замечен невооруженным глазом – он уже не бесился, скорее, остались лишь раздражение и толика любопытства.

Демиен пожал плечами, затем поправил манжеты плаща, будничным тоном ответив на вопросы:

– Скажем так, я просто не люблю, когда кто-то получает незаслуженные обвинения. Стараюсь уберечь тебя от роковой ошибки, пока не поздно.

– Хм... – протянул парень и на его лице мгновенно появилась скука. – Затираешь мне тут херню какую-то. Лучше скажи, сколько твое молчание стоит и разбежимся.

– Мое молчание? На счет тебя – стоит лишь твоего слова и рукопожатия. На нее уговора не было, она – моя работа, и я обязан ее закончить.

– Ясно, – закатил глаза собеседник, тяжело выдохнув. До него начало доходить, что этот детектив не только несговорчив, но еще и не сгибаем. Он нехотя протянул руку. – Ладно, я кину ее. Все равно она меня только обещаниями кормит уже который месяц, а толку ноль. Да и трахается не важно.

На губах детектива, наконец, заиграла легкая довольная улыбка.

Он пожал руку парня, при этом специально задержавшись, а про себя мысленно проговорив заклинание “анти-виагра” еще пару раз. На случай, если парень нарушит свое обещание. – Тогда передавай наилучшие пожелания своей спутнице. Пусть начинает поиски хорошего адвоката.

Между ними как будто пробежал легкий разряд тока, парень это ощутил и невольно изменился в лице, тут же отдергивая руку. Магия для простых смертных отзывалась не самыми приятными ощущениями, особенно, если эта магия шла во вред. Хорошо, что в современном мире о магии почти забыли, а все подобные звоночки принимали за «холодок», пробегающий по коже, или шестое чувство. Для колдуна же было главное одно – результат.

Он кивнул парню и двинулся прочь от места их небольшого randevu. Вслед ему прозвучало тихое «Псих», но для Демиена это было ничто. Он уже пережил гораздо больше проклятий и угроз, покруче этого детского баловства. Пожалуй, смертных он вообще не боялся. А вот ведьм... немного. Они были непредсказуемы, как и их магия.

Вернувшись на свое рабочее место, Демиен быстро написал письмо заказчику, предлагая встретиться или выслать ему всю нужную информацию физическим письмом: туда бы прилагался конфиденциальный отчет и фотографии. Безусловно, плату можно было бы передать на месте. Но ему потребовался бы еще день, чтобы проявить фотографии. Вскоре по электронке пришел ответ о том, что лучше отослать все материалы по делу почтой, а оплату старик перевел бы лично по получению. Что ж, хозяин-барин.

Пока что ему предстояла дорога домой, где нужно было проявить фотографии. Под это дело у Демиена была отведена отдельное помещение. Этому изначально воспротивился хозяин квартиры, которую колдун снимал, но обаяние мужчины было почти непреодолимым, так что хозяин, скрипя зубами, согласился на переделку одной комнатухи под проявочную студию. Зная специфику работы его съемщика, лишних вопросов он никогда не задавал, что для Демиена было очень удобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.